

№

АНТРАКТЪ.

20.

Антрактъ выходитъ еженедѣльно, по воскресеньямъ. Цѣна годовому изданію (30 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; полугодовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагивается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.). Сроку подписки считается съ 1 го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера въ конторѣ типографіи ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ театровъ (Ив. Ив. Смирнова), на Пивольской улицѣ, въ домѣ графа Орлова-Давыдова; а во время спектаклей и въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: Московскій театръ.—Петербургскій театръ.—Казанскій театръ.—Ковенскій театръ.—Кяхтинскій театръ.—Смѣсь. (Еще піеса Кальдерона въ русскомъ переводѣ. Музыкальный конкурсъ. Продѣлка. Актриса-убійца).

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ

Самою первою и крупною новостью прошлой недѣли было то, что въ четвергъ, 26 мая, ея величества Императрица, Государь, Государыня и ихъ августѣйшія дѣти. Въ исходъ восьмага часа, когда царствѣніе посетители заняли мѣста въ боковой царской ложѣ, поднялся занавѣсъ и оркестръ заигралъ въ аккомпаниментъ стройно и громко раздавшемуся на сценѣ хору изъ эпилога оперы «Жизнь за царя». Только что смолкли послѣдніе звуки этого хора и пѣвцы стали было уже отступать въ глубину сцены, какъ зрители, сверху до низу наполнявшіе залу Большаго театра, встали съ своихъ мѣсть и однимъ дружнымъ громкимъ взрывомъ потребовали гимна. Пѣвцы снова приблизились къ авансценѣ и пропѣли гимнъ. Во время исполненія гимна, глаза всѣхъ, которымъ посчастливилось быть на этомъ спектаклѣ, обратились къ царской ложѣ: она вмѣщала въ себѣ на этотъ разъ такъ много дорогого, безконечно любезнаго всякому, истинно русскому сердцу, что не только тысячи глазъ не могли оторваться отъ нея, къ ней стремились всѣ благіе помыслы, искреннія желанья и задушевные молитвы, внушенные торжественностью минуты. Гимнъ былъ, по требованію публики, повторенъ три раза и каждый разъ, по окончаніи гимна оглушительнымъ ура изъ зрительной залы и со сцены, Государь и Государыня изволили раскланываться изъ ложи съ привѣтствовавшей ихъ публикой. Нѣсколько голосовъ потребовали было, чтобы гимнъ былъ пропѣтъ и въ четвертый разъ, но эти голоса были удержаны: публика, видимо, боялась утомлять царственныхъ зрителей, которые, при звукахъ гимна, встали съ своихъ мѣсть и слушали исполненіе его стоя. Говоря вообще, вся масса зрителей, наполнявшая въ этотъ вечеръ Большой театръ, до такой степени была проникнута благоговѣніемъ къ высокимъ посѣтителямъ, до такой степени дорожила ихъ спокойствіемъ, что какъ бы боялась лишняго сильнаго заявленія своего удовольствія и была необыкновенно воздержна на вызовы и аплодисменты; такъ что даже г-жа Лебедева не встрѣтила того горячаго пріема, на который могла бы смѣло рассчитывать со стороны москвичей во всякое другое

время. Государыня и Ихъ Высочества Марія Александровна и Павелъ Александровичъ оставили театръ по окончаніи комедіи *Кохинжинка*; а Государь, Наслѣдникъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ оставались на третьемъ дѣйствіи балета *Дочь Фараона* и только въ самомъ концѣ его удалились изъ ложи. По окончаніи спектакля, публика снова потребовала гимна и, по личному распоряженію г. министра Двора, остававшагося въ царской ложѣ, оркестръ исполнилъ этотъ гимнъ также три раза. Громкое ура долго не умолкало въ залѣ театра и глаза остававшихся долго еще были обращены къ царской ложѣ, въ которой однако уже никого не было. Заніе театра, домъ Эйхлера и театральная площадь горѣли разнообразными огненными щитами; народъ, не смотря на дождливую погоду, густыми массами окружалъ театръ и покрывалъ все пространство по пути отъ театра во дворецъ; радостные клики и дружное ура неслись по слѣдамъ экипажа Государя.

Но чѣмъ болѣе высокое и спокойно-торжественное впечатлѣніе выносилъ каждый зритель съ этого вечера, тѣмъ болѣе досадно было за составъ спектакля, въ серединѣ котораго, Богъ знаетъ въ какихъ соображеніяхъ, помѣстилась *Кохинжинка*. Если эта пустая французская выдумка, навязанная русской жизни и русскимъ нравамъ, только-только что смотрится и только-только что сносна въ обыкновенные спектакли, между другими піесами, то мы рѣшительно не понимаемъ, какъ могла она найти себѣ мѣсто въ такомъ, слишкомъ необыкновенномъ спектаклѣ. Переназначенная и въ нѣкоторыхъ сомнительнаго свойства сценахъ втораго дѣйствія сокращенная, *Кохинжинка* обнаружила еще болѣе всю пустоту и пошлость свою. Къ чему было ставить въ неловкое положеніе актеровъ-исполнителей, которые, по видимому, не знали, какъ бы скорѣе кончить не въ часъ начатую піесу? Неужели же эту *Кохинжинку* нельзя было замѣнить чѣмънибудь другимъ, хоть бы, напр., недавно имѣвшими на нашей сценѣ успѣхъ комедіями Мольера: *Замужство* — *лучшій докторъ* и *Хоть тресни, а женись*? Эти двѣ классическія піесы, надѣмая, оказались бы позанимательнѣе, да и дали бы возможность артистамъ, исполнителямъ главныхъ ролей, показать ихъ таланты и искусство. Развѣ почти на дняхъ, недѣлю тому назадъ, г. Шумскій и г-жа Кососова не вызывали са-